

Независимая газ. - 2003. - 7 марта. - с. 15.

Вопросы языкознания

ОКОНЧАНИЕ. НАЧАЛО НА СТР. 13

– Как показывает история, сознание – достаточно консервативный феномен, переделать его не так-то просто.

– Ситуация действительно очень непроста. Мне кажется, очень важно понять, что язык – это явление, не только отражающее действительность, но и ведущее нас за собой. Длющаяся дискуссия вокруг мата свидетельствует о том, что у нас так и не появился аппарат анализа. Русский мат – это архаические формы агрессии, с одной стороны, а с другой – проявление эротической жиз-

тности. И Европа, и Америка справились с «грязными словами» именно на пути их разрешения; став легальным, этот язык утратил агрессивность и ушел в необразованные слои общества. В творчестве же он используется исключительно на ироническом уровне. Выходит, мы не можем справиться с матом так же, как за 500 лет не смогли справиться с водкой. Значит, нам надо задуматься о нашем предназначении в этом мире: неужели мы явились, чтобы быть предметом анализа того, как можно поддаваться искушениям и соблазнам,

способны на это, можно себе представить, как они анализируют, к примеру, военно-политические проблемы.

– Обсуждавшийся в Думе законопроект о русском языке, кроме прочего, преследовал и цель противостояния тотальному вторжению английских терминов. В этом случае чаще всего приводят пример Франции, где идет аналогичная борьба: например, французы, чтобы не употреблять слово «компьютер», придумали свой термин для обозначения вездесущей машины. Вы видите здесь параллели между Россией и Францией?

– Сравнить можно все что угодно. Франция действительно активно оберегает себя от вторжения английского языка, но делает это она с умом. Там не запрещаются американизмы, а делается все для того, чтобы они не превращались в молодежный сленг. До конца с этим справиться невозможно, подобного рода сленг существует, но усилия всех направлены на погашение таких импульсов. Хорошая метафора – вторжение американских закусочных вроде «Макдоналдса». Их никто не закрывает, но французская культура их изолирует распространением своих ресторанов и кафе. Зачем французу идти в «Макдоналдс», если рядом масса заведений с хорошей кухней? На уровне письменной культуры существует уважение к

Цвет русской литературы: Владимир Сорокин, Виктор Ерофеев и Дмитрий Пригов.

Фото Александра Шалгина (НГ-фото)

французскому языку, который люди не хотят тупо засорять. Так и работает ненавязчивая образовательная программа. Здесь ключевой момент – осознанное уважение. У меня был замечательный эпизод, когда во Владимире я участвовал в пьянке с местной интеллиген-

цией. Перепады в разговоре были очень показательными. На уровне трезвости: Владимир – дыра, здесь жить невозможно. Выпили по полбутылки: Владимир – лучшее место, ваша Москва – страшная клоака. Пошла пьянка по-черному: Владимир – страшное место и т.д. Это

типичный слоеный пирог, отражающий состояние русского сознания. Спросите любого человека, что он думает о русском языке, ответ будет: великий, могучий, самый лучший. Правда, в процессе ответа он продемонстрирует, насколько этот язык исковеркан. Здесь диалек-

тика заключается в том, что при всей исковерканности русский язык все равно остается великим.

Французский язык очень силен, это один из самых мобильных и гибких языков в мире, он вытерпит и победит любые вторжения извне. Во Франции

существует единое культурное поле, оно поддерживает чувство коллективизма. Если возникает некая культурная проблема, то интеллектуалов не нужно агитировать, любой корреспондент любой провинциальной газеты знает, что он должен участвовать в этом коллективном действии. Все укладывается в четкие картезианские рамки. Здесь же нет общего культурного поля. Раньше по причине всеобщей вялой оппозиционности можно было изображать единение, сейчас и этого нет. В такой ситуации защищать определенные ценности практически невозможно. Попробуй выступи – тебя тут же обвинят в том, что тебе нужно больше, чем остальным. В результате интеллигенция ничего толком не сделала, чтобы освободить Лимонова, не выдвинула никаких идей и не предприняла никаких действий, чтобы противостоять законопроекту о языке. Зато мы наблюдаем группу интеллигентов, которая вьется вокруг властных структур и, поедая кремлевские бутерброды, о чем-то с властями разговаривает. Почти невозможно себе представить ситуацию, когда, скажем, Татьяна Толстая выступит по какой-то проблеме, а Акунин, Пелевин, Сорокин тут же отзовутся. На культурном поле мы пропускаем все мячи, к тому же сетка в воротах оказывается рваная, куда эти мячи улетают, мы вообще не знаем.

Русский мат – это архаические формы агрессии...

ни в ее первозданном виде. К тому же надо помнить, что это иронический язык аристократии, таких творческих натур, как Пушкин, Лермонтов, Барков, которые продемонстрировали, что агрессию можно окультурить, переиграть ее. Сегодня – в XXI веке – парламент самой большой страны в мире не может проанализировать это явление и стремится его просто запретить, а это то же самое, что попытаться запретить женщине носить грудь! Тут уже возникает не языковая проблема, а проблема мен-

пропадая в них? С точки зрения философии можно сказать: ничего плохого в этом нет, пусть будет и такой народ. Но для нас за этой формулой стоит некая реальность: великая русская литература, мы создали европейский художественный авангард, сегодняшняя культурная жизнь в Москве очень активна, что приводит в полное изумление приезжающих иностранцев. Это на одном полюсе. На другом – государственные структуры, которые не могут проанализировать проблему мата. Если они не